

УДК 94(430):322:274.5

**СТАНОВЛЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ
ЦЕРКОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В БРАУНШВЕЙГЕ
В КОНЦЕ 1520-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1550-Х ГГ.**

Кариков С.А.

В статье рассмотрена проблема становления евангелических церковных институтов в Брауншвейге в рамках лютеранской конфессионализации. Проанализированы принципы и задачи деятельности церковной организации конфессиональной эпохи. Определены основные особенности деятельности церквей Брауншвейга, программ обучения в школах, средства контроля их деятельности со стороны властей. Сделан вывод о том, что принципы Реформации в Брауншвейге в конце 1520-х – первой половине 1550-х гг. стали, прежде всего, средством решения политических и административных вопросов.

Ключевые слова: Реформация, лютеранская конфессионализация, школа, Брауншвейг, Церковь.

**THE FORMATION OF THE EVANGELICAL
CHURCH ORGANIZATION IN BRAUNSCHWEIG
IN THE LATE 1520S TO THE FIRST HALF OF THE 1550S**

Karikov S.A.

The article considers the problem of the Evangelical Church institutions formation in Braunschweig as part of Lutheran confessionalization. This article analyses the principles and main tasks of the Church organization's activity in the confessional era. It also defines the main features of Braunschweig churches' activities, educational programs in schools, and means of control over their activities carried out by the authorities. In conclusion, the article notes that the principles of the Reformation in Braunschweig in the late 1520s to the first half of the 1550s became primarily a means of resolving political and administrative issues.

Keywords: Reformation, Lutheran confessionalization, school, Braunschweig, Church.

Разработка и принятие в 1528 г. Брауншвейгского церковного устава, написанного выдающимся реформатором Иоганном Бугенхагеном, является ключевым событием в утверждении лютеранской конфессионализации в германских территориях. Брауншвейгский устав стал образцом для преобразований церковной и школьной жизни на принципах лютеранства. Но для воплощения его положений в жизнь приверженцам евангелизма в Брауншвейге предстояло преодолеть серьезные трудности. Уже в замечаниях бюргеров по проекту устава были обозначены три основных проблемы, которые либо не затрагивались в этом документе, либо не были решены: существование католических монастырей и штифтов, распространение цвинглианства и судьба церковной утвари. Наличие таких противоречий было характерным для территорий «смешанной религиозности», к которым относился Брауншвейг. Евангелическая церковная организация должна была решить эти неотложные проблемы.

Наибольшие трудности для развития Реформации в Брауншвейге представляла деятельность католических монастырей и штифтов, открыто выступавших против принципов евангелизма и после принятия церковного устава. Приверженец католицизма отставной казначей Шоркопф издал в конце 1528 г. несколько сочинений, в которых содержались нападки на учение Реформации. Католические священнослужители, стремясь укрепить свое влияние среди горожан, даже начали крестить новорожденных в домах бюргеров [6, S. 74], хотя традиционно таинство Крещения отправлялось в костелах. Городская администрация в течение полугода после утверждения устава не принимала никаких конкретных решений по его реализации. Такая позиция брауншвейгского Совета подтверждает справедливость вывода П. Бликле, который определил «Совет» и «общину» применительно к Реформации в различных городах Германии как полярные понятия [2, S. 128].

Пассивность магистратов не могла устроить большинство горожан Брауншвейга, требовавших продолжения Реформации. 15 марта 1529 г. бюргеры обратились к Совету с требованием исполнения «слова Божьего и

статей церковного устава». Только под давлением бюргеров Совет продолжил преобразования. К Пасхе 1529 г. монахам было запрещено отправлять католическое богослужение [18, S. 63]. Доминиканцы и францисканцы были вынуждены оставить город. Помещение бывшего доминиканского монастыря было передано школе святой Екатерины [9, S. 124].

В 1529 г. бюргеры заняли также помещение бенедиктинского монастыря святого Эгидия. В отличие от доминиканцев и францисканцев, значительная часть бенедиктинцев поддержала идеи Реформации и после закрытия монастыря не покинула Брауншвейг. Возможно, это объясняется тем, что большинство монахов данной обители происходило из среды бюргерства. В дальнейшем на основе монастыря святого Эгидия была создана третья «латинская» общегородская школа. В 1535 г. она уже действовала на тех же принципах, что и школы святого Мартина и святой Екатерины. Ее ректором стал Бернارد Фогельман.

После закрытия монастырей Совет Брауншвейга предпринял первые действия против штифтов. В штифтах святого Власия и святого Кириака католическое богослужение сохранилось, но бюргерам было запрещено его посещать. Очевидно, что мера заметно ослабила влияние штифтов на городское население: фактически они оказались изолированы от бюргеров.

Не менее важной проблемой, чем борьба с «папистами», для приверженцев лютеранства на рубеже 1520-1530-х гг. стала борьба с представителями других течений Реформации. Наиболее сильной группировкой являлись сторонники Ульриха Цвингли. Расходясь между собой в отдельных вопросах, они составляли «антилютеровский фронт» в вопросах трактовки таинств, прежде всего, Причастия, а также в общих вопросах христологии [3, S. 299]. Преобразование церковного строя служило для Цвингли основанием требовать и политической автономии христианских общин. Такие идеи, угрожавшие существовавшим отношениям светских властей с подданными, вызвали острую критику со стороны лютеран.

В Брауншвейге борьба против цвинглианства началась вскоре после принятия церковного устава. В ней принял участие Иоганн Бугенхаген. Весной 1529 г. он завершил работу над Гамбургским церковным уставом и, возвращаясь в Виттенберг, вновь посетил Брауншвейг, где находился с 6 мая по 20 июня 1529 г. В это время он выступил с рядом проповедей, в которых отстаивал лютеранское толкование таинства Причастия, и организовал диспут, посвященный этой проблеме. Этот диспут состоялся в здании ратуши Нойштадта и собрал многочисленную аудиторию: проповедников приходских церквей, магистратов, диаконов, представителей всех городских общин и гильдий [6, S. 76].

Активность Бугенхагена принесла результаты. Уже в мае 1529 г. проповедники церкви святого Ульриха Генрих Книгге и Ричард Швайнфусс, обвиненные на диспуте в приверженности к идеям Цвингли и не отказавшиеся от своих взглядов, были вынуждены оставить службу и покинуть Брауншвейг. Это решение было принято на совместном заседании городского Совета, духовенства, представителей «общей кассы» и городских общин. Однако мнение общины Сака, избравшей проповедников на должность, при этом учтено не было. Поэтому изгнание Книгге и Швайнфусса вызвало недовольство многих прихожан, которые собрались в церкви святого Ульриха и обсуждали, как помочь смещенным проповедникам. Чтобы избежать столкновения, бургомистр Сака лично выступил перед общиной и объявил, что решение о высылке было одобрено всеми органами городской администрации. Авторитет властей оказался сильнее мнения бюргеров. Опальные проповедники переселились в деревню Фолькмароде. Позже Книгге стал проповедником в Госларе, а Швайнфусс вернулся в Брауншвейг и открыл там винокурню [6, S. 77].

На рубеже 1520-1530-х гг. произошли принципиальные изменения и в управлении церквами Брауншвейга. В 1529 г. была учреждена Коллегия духовенства, состоявшая из 14 священнослужителей приходских церквей. Главой этого органа являлся городской суперинтендент. Наряду с этим был

создан Генеральный коллоквиум, куда, кроме суперинтендента, адьютора и приходского духовенства, входили также представители «общих касс» всех городских общин. Задачей этого органа было обсуждение всех спорных ситуаций в церковной и школьной жизни Брауншвейга, а также проведение визитаций приходов [16, S. 96]. Городской Совет и духовенство должны были исполнять принятые Генеральным коллоквиумом решения [17, S. 81-82]. Примечательно, что представители штифтов не были включены в состав Коллегии духовенства и Генерального коллоквиума. Тем самым сужались возможности влияния католического духовенства на церковную жизнь города. Можно сделать вывод, что Генеральный коллоквиум исполнял функции, характерные для евангелического синода, став прообразом этой организации.

В вопросах вероучения новые церковные институты не допускали компромиссов. Примером является столкновение в среде городского духовенства, происшедшее в 1531 г. Теперь в «цвинглианской ереси» был обвинен Иоганн Копманн – проповедник госпитальной церкви святой Марии. 9 августа Совет Брауншвейга обратился к Мартину Лютеру с письмом, в котором отмечалось, что Копманн трактует Причастие в цвинглианском духе, оспаривая взгляды других священнослужителей. В ответе Лютер, ссылаясь на устав 1528 г., указал, что действующим против других проповедников лицам следует прекратить выступления и оставить город. Полемика закончилась тем, что 17 сентября 1531 г. было принято решение о смещении Копманна с должности проповедника и высылке его за пределы Брауншвейга, а также об изгнании наиболее активных приверженцев цвинглианства из числа бюргеров. Принятие такого решения Советом по настоянию Генерального коллоквиума свидетельствует, что характерные для ранней Реформации идеи главенства общины в духовных делах были отвергнуты: проповедник был смещен с должности не прихожанами, а представителями городской администрации и Евангелической Церкви.

С конца 1531 г. выступлений сторонников цвинглианских идей в Брауншвейге не наблюдалось. По-видимому, это объясняется не только

вмешательством Лютера, но, прежде всего, общим упадком цвинглианства после поражения его приверженцев в битве при Каппеле в октябре 1531 г. и гибели самого Ульриха Цвингли. Большинство его прежних сторонников позднее примкнули к кальвинизму [10, S. 538-539].

Помимо борьбы с идейными противниками, Генеральный коллоквиум занимался другими неурегулированными проблемами церковной жизни. Осенью 1530 г. проповедники Иоганн Рибелинг и Андреас Хойер обратились к Генеральному коллоквиуму с требованием отмены традиционных для Римско-Католической Церкви облачений как «папских одеяний» [6, S. 78]. Однако суперинтендент Гёрлиц и остальные члены коллоквиума выступили против этого предложения, указав, что в уставе 1528 г. Бугенхаген не отменял прежних облачений духовенства. Бугенхаген уточнил свою позицию в письме к Гёрлицу от 27 сентября 1530 г., отметив, что замена облачений не является самым важным делом и священнослужителям целесообразнее заняться иными вопросами [4, S. 98-99]. В итоге лишь к началу XVIII в. священнослужители Брауншвейга перешли к использованию таларов – одеяний темного цвета, близких к светской одежде. Таким образом, в некоторых случаях традиции католицизма оказали влияние и на Евангелическую Церковь.

Становление евангелической церковной организации было обусловлено нарастанием демократического движения в Брауншвейге. Однако развитие Реформации требовало постоянной поддержки со стороны городских властей. Бюргерство стремилось закрепить преобразования, расширив свое участие в управлении городом. Следствием этого подъема стали изменения в составе городской администрации. В ноябре 1529 г. 22 члена прежнего Совета по требованию горожан были отстранены от должностей как «паписты». В новом составе Совета шире было представлено бюргерство: 15 из 30 новых его членов принадлежали к семействам, представители которых ранее не избирались в состав городской администрации. В то же время смещенные с постов члены Совета представляли патрициат – семьи брауншвейгских купцов и богатых цеховых мастеров. Как 30 впервые избранных членов магистратов, так и

большинство членов Совета, сохранивших свои посты, были приверженцами евангелизма [14, S. 285]. Эти изменения повлияли на последующее участие Совета города в Реформации.

В конце 1520-х гг. для приверженцев евангелизма в Германии сложилась неблагоприятная ситуация. После подписания мира между Священной Римской империей и Францией в Камбре в 1529 г., согласно которому Франциск I отказался от притязаний на Италию и Нидерланды и от всех антиимперских союзов, сторонники католицизма перешли в наступление. На Втором Шпейерском рейхстаге в 1529 г. они попытались восстановить действие Вормского эдикта 1521 г. Однако шесть князей и представители четырнадцати имперских городов выразили против этого протест [11, S. 204-205]. С этого времени за приверженцами Реформации закрепилось название «протестанты».

Борьба между католиками и протестантами продолжилась на Аугсбургском рейхстаге 1530 г. Филипп Меланхтон подготовил к его проведению программный документ – знаменитое «Аугсбургское вероисповедание», где подчеркивались, прежде всего, общие черты вероучения католицизма и евангелизма, а не расхождения между ними. При этом была сохранена главная идея евангелизма – принцип оправдания верой. Католические теологи отвергли «Аугсбургское вероисповедание». Неудача достижения компромисса ускорила объединение сторонников протестантизма [20, S. 26].

27 февраля 1531 г. в Шмалькальдене был официально оформлен союз евангелических князей и ряда имперских городов. Целью союза провозглашалась взаимопомощь при любой угрозе «слову Божьему, евангелическому учению и нашей святой вере». Таким образом, приверженцы евангелизма уже готовились к ведению боевых действий. Основными силами союза были войска курфюрста Саксонского и ландграфа Гессенского, насчитывавшие около 12 тыс. человек. Создание Шмалькальденского союза подвело черту под периодом «общинной Реформации» и закрепило ведущую роль князей в распространении евангелизма [1, p. 108].

Это событие повлияло и на позицию Брауншвейга в борьбе сторонников и противников Реформации в Германии. Официально Брауншвейг входил в состав герцогства Брауншвейгско-Вольфенбюттельского. Однако фактически власть в городе к этому времени перешла к приверженцам Реформации. Поэтому на ландтаге в Зальцдалуме 6 марта 1531 г. представители брауншвейгского Совета заявили об отказе подчиниться решению Генриха Младшего о запрете Реформации в герцогстве. Протест Совета ознаменовал окончательный разрыв Брауншвейга с территориальной властью. Чтобы выдержать противостояние с герцогом, город нуждался во внешней поддержке. И 5 июня 1531 г. на заседании руководителей Шмалькальденского союза во Франкфурте-на-Майне было одобрено присоединение Брауншвейга и еще одного нижнесаксонского города – Геттингена к этой организации [13, S. 509]. Таким образом, впервые в состав Шмалькальденского союза вошли не только свободные имперские, но и княжеские города. 2 февраля 1532 г. на встрече с членами магистратов представители городских общин одобрили вступление Брауншвейга в Шмалькальденский союз и заявили о поддержке политики этой организации.

Обострение противоречий между враждующими группировками предвещало скорое военное столкновение. Однако Священная Римская империя оказалась под угрозой турецкого вторжения: в 1532 г. турки начали поход на Венгрию. Это побудило католиков и протестантов на время забыть прежние раздоры. 23 июля 1532 г. император Карл V и представители евангелических территорий подписали перемирие в Нюрнберге, согласно которому урегулирование религиозных дел в Германии вверялось будущему Церковному Собору или Рейхстагу [11, S. 236].

Для сохранения завоеваний Реформации Совет Брауншвейга продолжил сотрудничество с евангелическими князьями. Участие в Шмалькальденском союзе потребовало от города значительных финансовых расходов. Важнейшим их источником стала церковная утварь. В 1532 г. часть облачений католических священников была изъята из приходских церквей и продана, а церковные

колокола, чаши для святой воды, курильницы из бронзы и меди были переплавлены. После закрытия монастырей католическое богослужение сохранилось лишь в штифтах святого Власия и святого Кириака, но их влияние на бюргеров еще более сократилось в результате потери патроната над всеми приходскими церквями [12, S. 42-43]. Совет каждого городского района теперь самостоятельно назначал священнослужителей в церкви, расположенные на его территории. На наш взгляд, такое подчинение светским властям свидетельствует об усилении с начала 1530-х гг. авторитарных тенденций в организации Евангелической Церкви. Устранив возможность вмешательства монастырей и штифтов, администрация не дала права прихожанам единолично решать церковные вопросы. Община приобрела лишь совещательный голос в управлении городскими церквями.

Получив право патроната над церквями, магистраты одновременно приняли на себя обязанность управления их финансовыми делами. Дიაконы должны были представлять отчет Советам городских районов обо всех расходах [17, S. 82]. Такой порядок доказывает, что формировавшаяся Евангелическая Церковь оказалась материально зависимой от городской администрации.

Утверждая свою ведущую роль во внутригородской политике, Совет Брауншвейга продолжал сотрудничество с властями евангелических территорий. В 1538 г. в Брауншвейге, невзирая на категорический запрет герцога Генриха Младшего, состоялось совещание лидеров Шмалькальденского союза. Председательствовал на этом заседании бургомистр Альтштадта Франциск Кале. Для участия в совещании в Брауншвейг прибыли не только немецкие князья, но и датский король Кристиан III. Присоединение Дании к Шмалькальденскому союзу стало главным результатом встречи в Брауншвейге. Кристиан III обязался в случае начала войны предоставить в распоряжение союза 3 тысяч ландскнехтов. Усиление Шмалькальденского союза было для Брауншвейга очень своевременным, так как давало возможность продолжить борьбу с католическим культом.

В 40-е гг. XVI в. Реформация распространилась на округу Брауншвейга (в частности, в 1542 г. был закрыт монастырь Риддагсхаузен, находившийся за пределами города, а также было разрушено здание штифта святого Кириака) и на соседние города. Попытка Генриха Младшего подчинить Брауншвейг своей власти была сорвана войсками Шмалькальденского союза. Потерпев поражение, Генрих покинул пределы герцогства. В августе 1542 г. силы евангелических князей при поддержке брауншвейгского ополчения заняли Вольфенбюттель, после чего на территории герцогства была проведена визитация. Теологов в составе визитационной комиссии представляли Иоганн Бугенхаген, а также брауншвейгский суперинтендент Мартин Гёрлиц и Антоний Корвин [8, S. 168]. После завершения работы комиссии осенью 1543 г. был принят Брауншвейгско-Вольфенбюттельский церковный устав. Это событие следует оценить как высшую точку в распространении евангелизма на территории герцогства.

Помимо военной помощи, участие Брауншвейга в Шмалькальденском союзе привело к созданию новых органов надзора в рамках городской церковной организации. В 1543 г. в Брауншвейге для решения всех конфликтов в церковных и семейных делах была организована консистория. В ее состав должны были входить два юриста, два нотариуса, а также несколько священнослужителей (их точное число не оговаривалось). Служба в консистории, подобно тому, как было установлено уставом 1528 г. в отношении других церковных должностей, должна была оплачиваться. Это доказывает, что в евангелической церковной организации Брауншвейга в начале 1540-х гг. функция контроля уже не совмещалась с другими, а стала самостоятельной. На ее исполнение у соответствующих лиц должно было отводиться все служебное время. Постоянный характер деятельности консистории, по мнению Г. Кирхнера, свидетельствует о ее «конкуренции» функциям визитационных комиссий, проводивших инспекции лишь в определенное время [7, S. 46]. Следует отметить, что в состав обоих институтов входили как

священнослужители, так и светские юристы. Это свидетельствует о стремлении властей подчинить евангелическую церковную организацию.

Укрепление контролирующих функций Церкви отразилось и на учебной программе «латинских» школ. Религиозное воспитание в школах Брауншвейга теперь осуществлялось не только учителями, в обязанности которых входило преподавание, наряду с другими дисциплинами, лютеровского Малого Катехизиса, но и включенным в штат проповедником, а также двумя его помощниками – теологами. Дважды в неделю они должны были проводить с учащимися лекции по Священному Писанию [15, S. 60]. О том, какое значение придавалось этим лекциям, говорит тот факт, что проверка деятельности школьного проповедника и теологов осуществлялась лично суперинтендентом – руководителем евангелической церковной организации в городе. На наш взгляд, создание консистории и участие духовенства в проведении школьных занятий свидетельствуют об усилении контроля со стороны Церкви, распространявшегося как на священнослужителей и преподавателей, так и на бюргеров. Во второй половине 1520-х гг. функции надзора предполагалось ограничить проведением визитаций. Но они не могли обеспечить постоянного надзора над исполнением бюргерами требований евангелизма в повседневной жизни. Церковь, не отказываясь от прежних методов, изыскивала новые пути воздействия на все население города и округа.

Укреплению завоеваний Реформации в Брауншвейге способствовали и прямые контакты с центром евангелического движения Германии – Виттенбергом. Так весной 1545 г. по предложению городского врача Антония Нигера представители Совета Брауншвейга обратились к Филиппу Меланхтону с просьбой предложить достойного человека на должность ректора школы святого Мартина. Реформатор откликнулся на эту просьбу, порекомендовав Совету кандидатуру магистра Иоганна Пецельта. Договор между Пецельтом и городским Советом, помимо перечисления обязанностей ректора и учителей, подтверждал право администрации контролировать работу школ путем регулярных визитаций [19, S. 63]. В должности ректора Пецельт работал два

года, получив при отъезде вознаграждение за службу. В 1545 г. в Брауншвейг прибыли еще двое преподавателей из Виттенберга – Петр Авианус и Иоганн Цаннгер, которые также стали учителями школы св. Мартина.

Контакты с Виттенбергом влияли и на становление евангелической церкви в Брауншвейге. Осенью 1545 г. в этот город был приглашен доктор теологии Николаус Медлер, который также получил образование в Виттенбергском университете, а затем занимал пост суперинтендента в Наумбурге. В том же году, после добровольного ухода в отставку Мартина Гёрлица, Медлер был избран духовенством Брауншвейга на должность суперинтендента. Заняв этот пост, он попытался организовать на основе церкви святого Ульриха педагогиум – учебное заведение для подготовки священнослужителей и учителей [12, S. 42]. На наш взгляд, эти приглашения свидетельствуют о том, что пополнение духовенства и преподавателей образованными приверженцами евангелизма оставалось серьезной проблемой и почти двадцать лет спустя после принятия Брауншвейгского устава.

Между тем политическая ситуация в Германии вновь обострилась. В 1546-1547 гг. противостояние лагерей католицизма и евангелизма переросло в открытое столкновение – Шмалькальденскую войну. Но и после ее завершения победой императорских войск при Мюльберге в 1547 г. Католическая Церковь не смогла восстановить прежние позиции в Брауншвейге. Это отразилось в реакции властей города на принятый 15 мая 1548 г. Аугсбургский интерим – документ, разработанный умеренными католическими и евангелическими теологами по настоянию императора Карла V. Интерим фактически восстанавливал католическое вероучение и богослужение. Этим документом признавались лишь брак женатых к тому времени евангелических священнослужителей и право мирян причащаться под двумя видами. Но даже такие уступки носили временный характер: окончательное решение названных вопросов выносилось на Тридентский Собор, который открылся в 1545 г. [20, S. 50]. Приверженцы Реформации не могли удовлетвориться отдельными уступками в период, когда уже сложилась принципиально новая церковная

организация. Поэтому мнение О. Мёрке, который рассматривает 1548 г. в качестве завершающей даты противостояния между городской администрацией и территориальной герцогской властью [14, S. 307], не представляется нам убедительным. Конфликт в Брауншвейге невозможно считать исчерпанным с окончанием Шмалькальденской войны, поскольку и после этого не останавливалась борьба за основное требование сторонников Реформации – свободное отправление евангелического богослужения.

Продолжение Реформации в городе было сопряжено не только с внешними препятствиями, но и с внутренними проблемами. О противоречиях, существовавших в евангелической церковной организации Брауншвейга, свидетельствуют документы, характеризовавшие деятельность городских школ. В 1547 г. был издан «Отзыв служителей общей кассы о школьном деле в городе». В нем отразились настроения местного бюргерства: осуждалось предпочтение, отдававшееся иногородним преподавателям перед учителями – уроженцами Брауншвейга; отмечались факты столкновений между учителями школ из-за разных размеров жалованья. В «Отзыве...» вновь подчеркивалась необходимость постоянно действующего лектория, где еженедельно проходили бы четыре лекции по Священному Писанию [5, S. 88]. В связи с тем, что Реформация в Брауншвейге пользовалась массовой поддержкой горожан, на деятельности лектория настаивали сами бюргеры. Кроме того, мы предполагаем, что именно на лекторий возлагалась задача готовить компетентные местные кадры священнослужителей и преподавателей и повышать их квалификацию. Решение этой задачи позволило бы Брауншвейгу не обращаться в Виттенберг всякий раз, когда возникала потребность назначить нового проповедника или учителя. Подобную задачу суперинтендент Медлер возлагал на педагогийум, куда для преподавания были приглашены Филипп Меланхтон и церковный историк Матиас Флаций, вынужденные покинуть Саксонию после поражения протестантов в Шмалькальденской войне [12, S. 42]. Педагогийум, однако, не смог наладить свою деятельность. На наш взгляд, это объясняется тем, что временно приглашенные преподаватели вскоре

покинули Брауншвейг, а преемников соответствующего уровня в городе не было.

Между тем борьба между городом и герцогом не прекращалась. Генрих Младший не оставлял попыток силой подчинить Брауншвейг. С этой целью в середине июля 1550 г. его войска начали осаду города, которую, однако, вынуждены были ее снять в начале сентября того же года. Вторая осада Брауншвейга проходила в сентябре – октябре 1553 г. и вновь не принесла герцогу успеха. 20 октября 1553 г. между герцогом и Советом Брауншвейга был заключен мирный договор. Хотя город признал герцога и его наследников как территориальных князей, приняв обязательство уплатить Генриху Младшему 80 тысяч талеров штрафа и возвратить 12 орудий, захваченных в ходе Шмалькальденской войны, в делах религии было закреплено важнейшее новшество: Брауншвейг сохранил свободу вероисповедания до общегерманского Собора, а также право назначения священнослужителей в приходские церкви. К тому же герцог отказался от попыток восстановить католическое богослужение в штифте святого Власия.

Р. Модерхак, оценив основное содержание договора как взаимную уступку обеих конфликтующих сторон, не делает вывода о значении этого документа. Исследователь лишь отмечает, что договор оставил многие вопросы нерешенными [12, S. 44]. Между тем, на наш взгляд, именно договор 1553 г. определил завершение конфликта между городской администрацией и территориальной княжеской властью. Сохранив статус-кво в политических отношениях с герцогом, в религиозной сфере Брауншвейг добился признания принципов Реформации. Действие церковного устава 1528 г. в пределах города было подтверждено. Подписание Аугсбургского религиозного мира в 1555 г. окончательно зафиксировало в Брауншвейге свободу евангелического вероисповедания.

Таким образом, в истории Реформации в Брауншвейге период с 1528 по 1555 гг. характеризуется официальным признанием евангелизма и закреплением его завоеваний в повседневной жизни. На основе

Брауншвейгского устава 1528 г. начались преобразования церковной организации. Первоначально демократический принцип выбора проповедников из числа самих прихожан сочетался с принципом контроля, осуществлявшегося церковной и городской администрацией. Дальнейшее выражение демократическая линия нашла в переизбрании Совета города в 1529 г. Однако новый Совет повел борьбу не только против Католической Церкви, но и против сторонников других направлений Реформации. Формирующаяся евангелическая церковная организация опиралась, прежде всего, не на поддержку общин, а на авторитет светской власти. Такой принцип организации Евангелической Церкви окончательно возобладал после вступления Брауншвейга в Шмалькальденский союз в 1531 г., что обеспечило городу поддержку извне, столь необходимую в условиях конфликта с территориальной властью, но в то же время поставило судьбу дальнейших преобразований в зависимость от действий евангелических князей. Социальные вопросы были отодвинуты на второй план: приоритет теперь отдавался не расширению завоеваний Реформации, а закреплению достигнутого.

Это проявилось в борьбе сторонников Лютера с приверженцами других течений протестантизма, а также в усилении контроля над духовенством, учителями и верующими, который осуществляли Генеральный коллоквиум и консистория. Их требованиям должны были подчиняться как бюргеры Брауншвейга, так и жители городской округи. В период с 1528 по 1555 гг. требования Реформации стали, прежде всего, средством решения политических и административных вопросов.

Список литературы:

1. Blickle P. Communal Reformation. The Quest for Salvation in Sixteenth-Century Germany. Boston: Humanities Press, 1992. 219 p.
2. Blickle P. Die Reformation im Reich. Stuttgart: Ulmer, 2000. 264 S.
3. Brecht M. Was war Zwinglianismus? // Die Zürcher Reformation: Ausstrahlungen und Rückwirkungen. Bern: Lang, 2001. S. 281-300.

4. Dr. Johannes Bugenhagens Briefwechsel. Hildesheim: Olms, 1966. XXI, 727 S.
5. Gutachten der Kastenherren über das Schulwesen der Stadt // *Monumenta Germaniae Paedagogica*. Berlin: Hoffmann, 1886. Bd. 1. S. 87-90.
6. Jünke W.A. Bugenhagens Einwirken auf die Festigung der Reformation in Braunschweig // *Die Reformation in der Stadt Braunschweig. 1528-1978*. Braunschweig: Braunschweigischer Stadtkirchenverband, 1978. S. 71-82.
7. Kirchner H. Reformationsgeschichte von 1532-1555/1566: Festigung der Reformation; Calvin; katholische Reform und Konzil von Trient. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1987. 177 S.
8. Koch E. Das Schicksal von Bugenhagens Visitationswerk in Braunschweig-Wolfenbüttel im Lichte eines unveröffentlichten Briefes an Bugenhagen // *Johannes Bugenhagen: Gestalt und Wirkung*. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1984. S. 168-182.
9. Krumwiede H.-W. Kirchengeschichte Niedersachsens. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1995. Bd. 1. 271 S.
10. Locher G.W. Die Zwinglische Reformation im Rahmen der europäischen Kirchengeschichte. Göttingen-Zürich: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 586 S.
11. Mau R. Evangelische Bewegung und frühe Reformation 1521 bis 1532. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2000. 255 S.
12. Moderhack R. Braunschweig – das Bild der Stadt in 900 Jahren. Braunschweig: Städtisches Museum, 1985. Bd. 1. 234 S.
13. Moeller B. Die Reformation // Göttingen. Geschichte einer Universitätsstadt. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1987. Bd. 1. S. 492-514.
14. Mörke O. Rat und Bürger in der Reformation. Soziale Gruppen und kirchlicher Wandel in den welfischen Hansestädten Lüneburg, Braunschweig und Göttingen. Hildesheim: Lax, 1983. X, 403 S.
15. Ordnung des Schmalkaldischen Bundes für eine in Braunschweig zu errichtende höhere Lehranstalt // *Monumenta Germaniae Paedagogica*. Berlin: Hoffmann, 1886. Bd. 1. S. 60-64.

16. Reller H. Vorreformatorsche und reformatorische Kirchenverfassung im Fürstentum Braunschweig-Wolfenbüttel. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1959. 237 S.

17. Schorn-Schütte L. Evangelische Geistlichkeit in der Frühneuzeit: deren Anteil an der Entfaltung frühmoderner Staatlichkeit und Gesellschaft. Gütersloh: Gütersloher Verlag-Haus, 1996. 635 S.

18. Spieß W. Geschichte der Stadt Braunschweig im Nachmittelalter vom Ausgang des Mittelalters bis zum Ende der Stadtfreiheit (1491-1671). Braunschweig: Waisenhaus, 1966. Bd. 1. 353 S.

19. Stipulationsvertrag des Rectors M. Peceltus und seiner Gesellen bei ihrer Anstellung am Martineum // *Monumenta Germaniae Paedagogica*. Berlin: Hoffmann, 1886. Bd. 1. S. 64-65.

20. Zur Mühlen K.-H. Reformation und Gegenreformation. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. T. 2. 143 S.

Сведения об авторе:

Кариков Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Национального университета гражданской защиты Украины (Харьков, Украина).

Data about the author:

Karikov Serhiy Anatoliyovych – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department, National University of Civil Protection of Ukraine (Kharkiv, Ukraine).

E-mail: karikov.nucz@gmail.com.